

УДК 314.728,911.375,911.373

В ГОРОД ИЛИ В ПРИГОРОД: ЧТО ВЫБИРАЮТ РОССИЯНЕ НА РАЗНЫХ ЭТАПАХ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ

© 2024 г. Л. Б. Карачурина¹, *, Н. В. Мкртчян¹

¹Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”, Москва, Россия

*e-mail: lkarachurina@hse.ru

Поступила в редакцию 16.05.2024 г.

После доработки 29.08.2024 г.

Принята к публикации 12.09.2024 г.

Миграция между крупными городами и их пригородами рассматривается под углом зрения двух концептуальных подходов: моделей городского развития и развития агломераций, концепции жизненного пути. Исследовательские задачи сводятся, во-первых, к анализу миграционного перетока населения между крупными городами и пригородами, во-вторых, — к выявлению его возрастных особенностей и оценке применимости к российским реалиям моделей миграции, описываемых с помощью концепций жизненного пути. Используются индивидуальные деперсонифицированные данные по внутренней долговременной миграции населения в России за 2011–2020 гг., позволяющие детализировать направления миграции и выделять различные возрастные группы мигрантов. В качестве крупных городов рассмотрены 137 городов России людностью свыше 100 тыс. чел., к пригородам отнесены территории, формирующиеся вокруг городов данного размера на определенном расстоянии от них (20–100 км в зависимости от людности города). Анализируется показатель эффективности миграции, позволяющий оценивать не только направления перетока, но и его результативность. Полученные результаты показали, что ежегодно данные города суммарно теряют в миграционном обмене с пригородами в среднем порядка 50 тыс. чел. Почти все эти потери приходятся на ближние пригороды. Дальние пригороды теряют население в миграционном обмене с центрами. Фиксируется высокая эффективность миграции именно между центрами и их ближними пригородами. Без выделения отдельных возрастных групп из рассмотренных 25 направлений миграции (между центрами разных размеров и пригородными населенными пунктами разного размера и удаленности от центра) 16 направлены в сторону пригородов, и только 9 — в сторону крупных городов, эти потоки характеризует, кроме того, меньшая эффективность. Анализ миграции на разных стадиях жизненного пути в миграционном перетоке между крупными городами и их пригородами не имеет однозначной направленности. Наиболее активно в пригороды переезжают семьи с новорожденными детьми и с дошкольниками, а также люди в старших трудоспособных и пенсионных возрастах. В этом смысле российский кейс характеризуют те же закономерности, которые наблюдаются и в других странах. Однако эти правила не работают в Москве и ее пригородах, что ставит на данном этапе ряд вопросов, требующих дальнейших исследований.

Ключевые слова: миграция, жизненный путь, субурбанизация, урбанизация, города, пригороды, миграционный прирост

DOI: 10.31857/S2587556624050062 EDN: AOWHQV

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ И ПРЕДЫДУЩИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Взаимоотношения городов с их пригородами — давний и до сих пор активно разрабатываемый исследовательский сюжет. Обе черты — давность традиций и при этом не ослабевающая актуальность — по-видимому, связаны со значимостью городского образа

жизни, который постепенно затрагивает все больше территорий и имеет разные проявления.

С 1970-х годов в исследованиях урбанизации начинает доминировать логика стадийности развития городской системы, центральным механизмом которой является миграция. Она способствует тому, что в одни временные периоды особенно привлекательными стано-

вятся города (все или с разделением на крупные и малые), в другие — негородские территории. В работах J. Gibbs (1963), затем В. Berry (1978) “города и пригороды” не рассматривались как единая система, но они напрямую не противопоставлялись друг другу.

Позднее в моделях городского развития (Champion, 2001; Geyer and Kontuly, 1993) был обозначен цикл из трех стадий: урбанизации, субурбанизации и контрурбанизации. На этапе урбанизации города благодаря своему экономическому развитию и концентрации хозяйственной жизни получают положительные темпы нетто-миграции и, соответственно, концентрацию населения. Перегрузка моноцентрической структуры городов (в первую очередь инфраструктуры, а также ограниченность площадей) и усиление сегрегации населения по доходам способствуют субурбанизации. Благодаря этому в небольших, соседних с крупными городами населенных пунктах наблюдается миграционный прирост при одновременном снижении темпов миграционного прироста крупных городов или даже миграционной убыли из них. Собственно, здесь мы вплотную подходим к взаимоотношениям городов и пригородов. На заключительной стадии население в районах с наименьшей плотностью увеличивается, в то время как крупнейшие города теряют население. За этими процессами стоят три актора: семьи, компании и правительства (Berg et al., 1982). Эти процессы детерминируются разнообразными причинами: населением, меняющим свои предпочтения и привычки; старением населения (Raagmaa, 2003); ростом числа домохозяйств, состоящих из одного или двух человек (Rérat, 2012); нехваткой жилья в городах, ростом цен на покупку и аренду недвижимости (Rérat, 2012; Stawarz and Sander, 2020; Thorkild, 2006); изменениями в качестве среды и инфраструктуре, размещении рабочих мест и др.

Изучение взаимоотношения городов-ядер и пригородных территорий в дальнейшем получило продолжение в моделях развития агломераций (Klaassen and Scimeni, 1981). Эти авторы выделили четыре стадии процесса: рост города-центра (урбанизация); затем под воздействием комплекса взаимно противоположных процессов (например, некомфортная среда в центрах и, наоборот, привлекательная в пригородах) наступает стадия, когда пригороды растут быстрее центров (субурбанизация); на следующей стадии темпы

роста населения и центров, и пригородов снижаются, но население центров убывает быстрее, чем в пригородах (дезурбанизация); наконец, на четвертой стадии происходит возобновление роста города-центра или его население сокращается медленнее, чем в пригородах (реурбанизация). Модели апробировали на разных странах, они подвергались критике за упрощения, недоучет факторов, недостаточно точное выделение главных механизмов, необъяснимую быстроту перетока отрицательных внешних эффектов (пробок, цен на недвижимость и пр.) от центров к пригородам (Rérat, 2012). Нам, однако кажется важным, что эти концепты, отраженные в реалиях многих стран (западных, затем с лагом отставания — восточно-европейских), показали универсальность; изменчивость в развитии системы городов и пригородов; зависимость от демографических, территориальных и экономических факторов, без традиционного примата только последних. Они же выявили существующий зазор в исследованиях между пониманием внешних “средовых” факторов и анализом индивидуально-личностных характеристик людей и семей.

Исследования миграции и других событий жизненного пути (в рамках соответствующей концепции) развивались параллельно и в первое время почти не пересекались с моделями развития городов и агломераций. Однако в 1990-е годы появились работы (Clark and Huang, 2003; Mueser et al., 1988; Mulder, 1993; Plane and Heins, 2003; Plane et al., 2005; Plane and Jurjevich, 2009; Stockdale and Catney, 2014), которые проецировали на территорию социально-демографические события в жизни человека и его семьи (окончание школы, поступление на учебу, вступление в брак, развод и др.) через миграцию. При этом в данных работах агломерации не рассматривались, территории выделялись по столичному/нестолчному статусу (метрополитенские и неметрополитенские ареалы) или в дихотомии сельские/городские.

Важнейший триггер, с которого стартуют изменения места жительства и самостоятельной жизни индивида — учеба. Для обучения в колледжах, как правило, перемещаются в малые и средние города поблизости; для получения высшего образования — в более крупные, предоставляющие соответствующие образовательные возможности. По мере окончания обучения потоки становятся более

разнонаправленными: кто-то в мыслях о самореализации хочет двигаться в еще более крупные центры, некоторая часть возвращается назад (Plane and Heins, 2003; Sage et al., 2013). Формирование семьи, а в особенности рождение ребенка, формируют потребности в новом жилье и стимулирует его поиск — с более приемлемой ценой, большего размера, благоприятной окружающей средой (Mulder, 2013; Vobecká, 2010). Такими местами часто становятся пригороды. Жизнь в них привлекательна еще и потому, что дает некоторую свободу и чувство защищенности. Поступление в школу является следующим толчком для возможной смены места жительства. В США со времен Левиттауна и вплоть до последнего времени сегрегированные пригороды привлекали горожан в том числе тем, что дети там смогут учиться в социально однородной среде, лишь в 2010-е изменения этнического и расового состава и типов пригородов привели к трансформации этих взглядов (Fry, 2009; Goyette et al., 2014).

Наши полевые исследования в регионах России показывают, что некоторые родители детей шестилетнего возраста двигаются из малых городов и, вероятно, из пригородов тоже — поближе к хорошим школам больших городов. Исследования по США и европейским странам такого возрастного пика не демонстрируют, так как возраст поступления в школу по странам различается сильно, и значительная часть семей остается до окончания школы в пригородах, подвижность населения с детьми школьного возраста падает (Bures, 2009). Когда дети становятся самостоятельными и уезжают, “синдром пустого гнезда” может толкать родителей (лиц средних возрастов), оставшихся без уехавших на учебу в крупные города детей, к переезду вслед за ними, но чаще — к перемещению в поисках новых смыслов в жизни (Bures, 1997, 2009; White, 2003). Другие, наоборот, на этой стадии перебираются из пригородов еще дальше от центров в периферию, возвращаются к своим корням в сельскую местность. Это особенно распространено для людей в предпенсионных возрастах или молодых пенсионных (de Jong, 2020; Lundholm, 2012; Stockdale and Catney, 2014; Stockdale and MacLeod, 2013). В старых пенсионных возрастах люди возвращаются в пригороды в места коллективного размещения пожилых (Litwak and Longino, 1987; Plane and Jurjevich, 2009; van Diepen and Mulder, 2009), а также в города или пригороды, ближе к родственникам (Chen et al., 2023; Litwak and Longino, 1987; Morrill, 1995).

Работы, анализирующие специфику этапов российской урбанизации применительно ко всей России, появились в 1990-е годы (Грицай и др., 1991; Зайончковская, 1991; Кюммель, 1987; Нефедова, Трейвиш, 2002), затем — к отдельным регионам России (Махрова, 2014; Чугунова, 2017). В этих исследованиях прослеживается специфичность России по отношению к классическим схемам моделей городского развития (Нефедова, Трейвиш, 2002). Ее определял социально-политический уклад, непреодолимость экстраординарных событий XX в. На полученные результаты в некоторой степени влияет и отсутствие длинных и сопоставимых рядов статистической информации. Видимо, по этой же причине в России, по сути, отсутствовали исследования, раскрывающие пространственные закономерности селективной по возрасту миграции (если считать, что возраст является аппроксиматором жизненных событий), весьма распространенные в зарубежных странах. Первые такие работы появились только в конце 2010-х годов (Денисов, 2017; Karachurina and Mkrtchyan, 2020, 2022). На уровне муниципальных образований они выявили, что нетто-прирост населения городов — региональных центров в основном обусловлен миграцией 15–19-летних, переезжающих для получения среднего специального и высшего образования, а сельская периферия и небольшие города — в целом отточные, привлекают только пожилых мигрантов.

Однако до недавнего времени отсутствовала статистическая база для анализа достаточно детальных направлений миграции населения отдельных возрастов, позволяющая понять не только направления переезда в том или ином возрасте, но и проследить переток между отдельными типами населенных пунктов. Не было не только возможности оценить переток населения отдельных возрастов между центрами, пригородами и периферией, но и оценить даже суммарный размер и направленность этих потоков. Заметим, что при всем обилии зарубежных работ по миграции в ее взаимосвязи с другими событиями жизненного пути, привязанными к возрасту, исследований по проекции этого движения на города — пригороды — периферию, почти нет. Предполагаем, что, как и длительное время в России, для такого типа работ у исследователей не хватает данных. Их появление дает нам основание выдвинуть задачи и понять, как складывается миграционный переток населения

между крупными городами и пригородами? Каковы возрастные особенности миграции между городами и пригородами в России, распространяется ли на Россию приведенная выше модель (“родился в пригороде, учился в городе, женился и переехал в пригород и т.д.”)?

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ И ДАННЫЕ

Крупные города и их пригороды в России

Мы изучаем миграцию между крупными городами и их пригородами. В качестве *крупных городов*¹ мы рассматриваем населенные пункты с числом жителей свыше 100 тыс. чел. по данным Всероссийской переписи населения 2020 г. (проведенной в 2021 г.). К *пригородам* относятся территории, формирующиеся вокруг городов данного размера. Как правило, пригороды испытывают на себе сильное, непосредственное влияние городов. То есть, по сути, мы говорим о функциональных регионах применительно к моделям городского развития (Rérat, 2012). Критерием выделения пригородов является расстояние по прямой от центра города до центра каждого населенного пункта пригорода; чем крупнее город, тем больше радиус окружности, оконтуривающий пригороды и отделяющий их от периферийных территорий (рис. 1).

Для Москвы и Санкт-Петербурга этот радиус определен в 100 км, для остальных городов людностью свыше 750 тыс. чел. — в 50 км, для городов с числом жителей от 250 до 750 тыс. чел. — в 30 км, от 100 до 250 тыс. — 20 км. В России миграция имеет выраженную центростремительную направленность. При-

мерно на таком удалении от крупных городов соответствующего размера поддерживается положительный или более высокий, чем в других частях регионов, миграционный прирост населения (Карачурина и др., 2021). Крупные города, находящиеся вблизи еще более крупного центра, относятся к его пригородам. Например, Новочебоксарск, насчитывающий 120 тыс. чел. и находящийся в 17 км от Чебоксар — пригород столицы Чувашии. Если один крупный город находится в пригороде другого, но зона его пригородов выходит за пределы радиуса этого центра, последняя также включается в пригороды крупнейшего, однако таких случаев в стране немного.

По удаленности от крупного города выделяются ближние и дальние пригороды, для крупнейших городов (в нашем исследовании — более 750 тыс. чел.) выделяются также средние пригороды. *Ближние пригороды* представляют собой территории, наиболее тесно связанные с городом, зачастую образующие массивы непрерывной застройки, разделенной только административными границами. Это — транспортно хорошо связанные с центральными городами территории, многие из них имеют многоэтажную жилую застройку. Именно в ближних пригородах расположена большая часть (21 из 39) крупных городов, отнесенных к пригородам еще более крупных. *Дальние пригороды* связаны с городами, которые их образуют, менее тесно, но их население в большинстве все равно совершает в центры регулярные поездки на работу и с иными целями. Граница дальних пригородов примерно совпадает с границами крупногородских агломераций (Антонов, Махрова, 2019).

Согласно нашим расчетам, число жителей крупных городов и их пригородов в 2021 г. со-

¹ Существует несколько разных подходов к диапазону людности городов и их названиям (“большие”, “крупные” и пр.). В настоящей работе в качестве обозначения городов свыше 100 тыс. чел. используется определение “крупный”.

Рис. 1. Радиус выделения пригородов и их частей в зависимости от размеров крупных городов (тыс. чел.), км. Составлено авторами.

Таблица 1. Численность населения крупных городов и их пригородов, на конец 2021 г., млн чел.

Группы крупных городов	Крупные города и их пригороды, всего	Крупные города	Пригороды		
			ближние	средние	дальние
Всего	94.5	67.6	11.8	4.0	11.1
Москва	20.4	12.1	3.2	2.4	2.7
Санкт-Петербург	6.9	4.7	1.3	0.5	0.4
Города с населением 750–1600 тыс. чел. и более	23.8	17.0	2.7	1.1	3.0
500–749 тыс. чел.	12.2	9.9	1.6	...	0.7
250–499 тыс. чел.	18.0	13.9	2.0	...	2.1
100–249 тыс. чел.	13.2	10.0	1.0	...	2.2

Составлено авторами.

ставляло 64.1% всего населения России (табл. 1). Пропорция внутри единой системы “крупные города – пригороды” следующая: 71.5% проживали в крупных городах, 28.5% – в их пригородах. Мы выделяем 137 крупных городов – центров, формирующих пригороды. Число населенных пунктов в пригородах составляло более 22 тыс., это – около 14.4% всех населенных пунктов в России².

Приведенные данные показывают, что мы анализируем миграцию в наиболее плотно населенных частях России. Наша задача понять, как обмениваются между собой населением крупные города и в наибольшей мере зависимые от них территории.

Используемые данные

Для расчетов средней численности населения изучаемых территорий за 2011–2020 гг. использовались данные Всероссийских переписей населения 2010 и 2020 гг. При всех проблемах с данными переписей населения (Андреев, Чурилова, 2023) они являются единственным источником, представляющим информацию о численности населения для каждого населенного пункта.

В статье использованы индивидуальные деперсонифицированные данные о внутренней долговременной миграции в России за 2011–2020 гг., предоставленные Росстатом по специальному запросу³. Эти данные, во-первых, по-

зволяют не принимать во внимание границы муниципальных образований при делимитации центров и периферии, так как обеспечивают их пространственную детализацию вплоть до населенных пунктов. Во-вторых, они дают возможность анализировать возрастные группы мигрантов с той же пространственной привязкой. Кроме того, они позволяют оценивать влияние автовозврата⁴, что важно для анализа миграции в России, однако на переток населения между крупными городами и их пригородами автовозврат не оказывает решающего влияния. За 10 исследуемых лет учтенные масштабы внутрироссийской миграции составили 39.3 млн чел.

Показатели

Для характеристики миграции мы используем показатели брутто- и нетто-миграции, а также показатель эффективности миграции. Эффективность миграции – частное от деления миграционного прироста (*net migration*) на миграционный оборот (*brutto migration*). Этот показатель варьирует от 0 до 100 (1000) и позволяет сравнивать между собой потоки в корреспондирующих направлениях и делать выводы о равновесности миграционного обмена (эффективность приближается к 0) или его односторонности [характеристики показателя стремятся к 100 (1000)].

РЕЗУЛЬТАТЫ

Общие параметры миграционного движения

Ежегодно в 2011–2020 гг. в России между центрами и пригородами перемещалось менее

² Если убрать из расчетов населенные пункты без населения, то доля населенных пунктов в пригородах составляет 17.1%.

³ Данные Росстата о миграции получены в результате разработки документов статистического учета прибытий и выбытий, поступающих от территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации (с 2019 г. – форм федерального статистического наблюдения), которые составляются при регистрации и снятии с регистрационного учета населения по месту жительства, а также при регистрации по месту пребывания на срок 9 месяцев и более.

⁴ Автовозврат – автоматическое (в регистрационной системе) возвращение мигранта к месту регистрации постоянного проживания по окончании срока регистрации по месту пребывания.

0.5 млн чел. (табл. 2). Это сравнительно небольшая часть общего внутреннего миграционного потока. Она кажется скромной еще и потому, что касается населенных пунктов, в которых проживает почти 2/3 населения страны. На размер потоков повлияло то, что мы не рассматриваем переток населения внутри пригородов, а миграция внутри самих крупных городов является жилой мобильностью, которая в России, в отличие от отдельных зарубежных стран, не подлежит статистическому учету. Кроме того, мы оставляем в стороне обмен населением между системами “крупный город и его пригород”, а также их миграционный обмен с периферийными территориями, сосредоточив свое внимание только на миграции населения крупных городов с собственными пригородами в рамках долговременных переселений.

Ежегодно центры (крупные города) теряют население в миграционном обмене с пригородами в среднем порядка 50 тыс. чел. Почти все эти потери приходятся на ближние пригороды. Дальние пригороды, в свою очередь, теряют население в миграционном обмене с центрами.

В целом пригороды перетягивают население у крупных городов всех размеров, но в большей мере — у крупнейших.

Параметры миграционного прироста *Москвы* необычайно малы для города такого размера. Некоторый отток населения из

Москвы осуществляется в ближние пригороды, он в свою очередь компенсируется притоком из дальних пригородов. В пригородах Москвы привлекательнее жить ближе к городу; переселяющиеся из Москвы в пригороды в качестве самого важного отмечают близость и удобство транспортных развязок (Карачурина, 2022).

И все же с точки зрения миграционных взаимоотношений со своими пригородами Москва выглядит исключением, противоречащим логике: переток населения из крупнейшего в стране мегаполиса в пригороды выглядит наиболее ожидаемым. Исследования неоднократно указывали, что именно с Москвы началась история субурбанизации в России (Махрова, 2014; Махрова и др., 2008). Это соответствует логике моделей городского развития и развития агломераций, согласно которым субурбанизацию можно рассматривать как очередной этап общего урбанизационного процесса (Klaassen and Scimemi, 1981). Субурбанизация начинается в тех пространственных очагах, в которых уровень жизни и запросы населения выше и организация инфраструктуры в пространстве позволяет некоторой части населения проживать в более комфортных пригородных условиях. В восточноевропейских странах она также начиналась со столичных, наиболее продвинутых центров (Brown and Schafft, 2002; Krisjane and Berzins, 2012; Ouředníček,

Таблица 2. Миграция между центрами и их пригородами, 2011–2020 гг., в среднем за год, тыс. чел.

Группы крупных городов	Центры, всего	Пригороды		
		ближние	средние	дальние
Миграционный оборот, всего	468.6	261.7	57.1	149.8
Москва	107.5	62.9	23.8	20.8
Санкт-Петербург	42.2	25.2	9.1	7.9
Города с населением 750–1600 тыс. чел. и более	125.1	51.3	24.2	49.6
500–749 тыс. чел.	58.3	41.6	...	16.7
250–499 тыс. чел.	90.3	61.2	...	29.1
100–249 тыс. чел.	45.2	19.5	...	25.7
Миграционный прирост, всего	–49.3	–51.4	–4.7	6.8
Москва	–0.4	–4.3	–0.3	4.2
Санкт-Петербург	–8.7	–8.2	–0.5	0.0
Города с населением 750–1600 тыс. чел. и более	–20.2	–17.2	–3.9	0.9
500–749 тыс. чел.	–11.6	–11.1	...	–0.5
250–499 тыс. чел.	–7.5	–8.7	...	1.2
100–249 тыс. чел.	–0.9	–1.9	...	1.0

Рассчитано авторами.

2007; Tammaru et al., 2004). Почему данные не отражают проявления субурбанизации вокруг Москвы? Видимо, мы имеем дело с комплексом причин.

1. После отмены прописки (замены ее на регистрацию в 1995 г.) имеет место длительная инерция, в соответствие с которой юридическая принадлежность “москвич(ка)” остается по-прежнему более желанной, чем “житель Московской области” и других граничащих с Москвой областей (дальние пригороды). Этот приоритет имеет и реальные основания: в Москве лучше, чем в других регионах страны, развита система здравоохранения, социального обеспечения и т.п. услуг, беспрепятственный доступ к которым связан с регистрацией в Москве. В этом российская система чем-то напоминает действующую в Китае систему *hukou* (Li et al., 2023; Yang and Guo, 2018). В 2010-е годы привлекательность Москвы усилилась в результате действий властей по формированию комфортной среды, в которую были вложены значительные инвестиции.

2. Проживая в пригородах Москвы, в особенности в ближних, люди часто ведут все формы активности (работа, досуг, социальные услуги) в Москве. Пригороды рассматриваются многими как место сна и, по сути, являются спальными районами города.

3. Выезд из Москвы в пригороды может быть в значительной мере невидимым для статистики. Система регистрации по месту жительства и пребывания мало стимулирует людей заявлять о смене места фактического проживания. Переезжая из Москвы в пригород, менять регистрацию не обязательно, и люди, сохраняя возможность быть зарегистрированными в столице, не меняют ее на регистрацию в пригороде. Это подтверждают исследования, основанные на данных мобильных операторов (Махрова, Бабкин, 2018): в соответствии с расчетами этих авторов, население Москвы переоценено, а население Московской области, прежде всего ближайших к Москве территорий, – недооценено, что трактуется, в том числе, как неучтенная миграция из Москвы в пригороды.

4. Выезд в пригород зачастую осуществляется в сезонном режиме, так как многие частные домовладения не приспособлены для круглогодичного проживания. Согласно оценкам, из 3 млн загородных дач москвичей только немногим более 0.5 млн в середине 2010-х годов были предназначены для круглогодичного

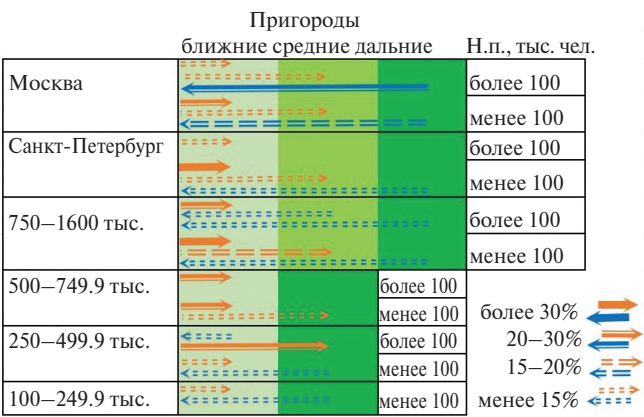

Рис. 2. Эффективность миграции между крупными городами России и их пригородами, 2011–2020 гг., %. Составлено авторами.

проживания (Махрова, Кириллов, 2015). Это касается не только Москвы, но и других центров и их пригородов, однако изученность данного вопроса пока связана именно с Московским регионом.

Отток из **Санкт-Петербурга** в пригороды существенно более значим. Полагаем, здесь сыграло роль развитие нескольких населенных пунктов в самых ближайших к городу площадках, таких как Мурино и Кудрово, в которых на месте небольших сельских населенных пунктов возникли огромные кварталы многоэтажной застройки. Подобные процессы, но в меньшем масштабе, имели место и в **других крупных городах**. Общая схема переезда между пригородами и центром – переток прежде всего в ближние пригороды. Дальние пригороды при этом имеют близкий к нулю баланс миграции с центрами.

В результате имеет место высокая эффективность миграции именно между центрами и их ближними пригородами (рис. 2). Только в городах размером 250–500 и 500–750 тыс. чел. отмечен высокоэффективный переток населения из крупных городов в дальние пригороды. Из рассмотренных 25 направлений миграции (см. рис. 2) 16 направлены в сторону пригородов и только 9 – в сторону крупных городов, эти потоки характеризует, кроме того, меньшая эффективность.

Возрастные особенности перетока

По отдельным возрастам картина направлений перетока и ее эффективности различается значительно (рис. 3).

В **молодых возрастах** – окончание школы и поступление в колледж или вуз (15–19 лет) – поток миграции явно направлен в сторону

крупных городов, а переток из них в ближние пригороды сильно ослаблен. Самая выраженная однонаправленность потоков в пользу центров — в возрастах 16 и 18 лет. Это — следствие сильно централизованной организации системы профессионального образования, учреждения которой сконцентрированы в крупных городах, и, как показывают исследования, она в 2010-е годы только увеличивалась (Габдрахманов и др., 2022). Кампусы и общежития в малых городах, в пригородах, за редким исключением, в России не получили развития. Особенно высокой эффективностью отличается миграция из дальних пригородов крупнейших городов в центры, так как, поступая в вузы, молодежь получает возможность жить в их общежитиях, в особенности если семьи проживают на большом расстоянии от кампусов.

В более старших возрастах (20–24, 25–39 лет) люди переселяются в ближние пригороды, отток из дальних пригородов в центры по сравнению с потоками студентов несколько ослабевает.

Наиболее ориентированными в сторону пригородов являются *семьи с детьми 0 лет*. Этот поток отличается высокой эффективностью, в том числе присутствует переток из крупных городов в дальние пригороды. Подобные процессы отмечают исследователи в европейских странах (Kley and Drobnič, 2019; Kosteletzky and Vobecká, 2009): семьи с детьми чаще других нуждаются в просторном жилье и в безопасной среде. Однако семьи с более старшими детьми, в особенности школьного возраста, переезжают в пригороды уже не так часто, как семьи с малышами. При этом семьи с детьми школьного возраста предпочитают ближние пригороды. Подобное миграционное поведение в российских условиях также связано с организацией системы образования: в пригородах часто не хватает школ, с особенностью хороших школ, что делает проживание семей с детьми здесь менее комфортным. Европейские исследования в качестве одной из причин переезда молодых семей, даже без детей, в пригороды указывают общую низкую доступность жилья в центрах и высокую стоимость аренды (Stawarz and Sander, 2020), низкую доступность недорогого и сравнительно большого жилья (Booi et al., 2021).

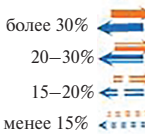
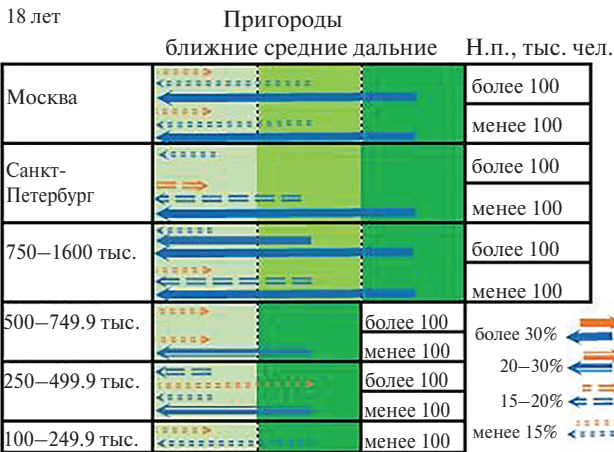
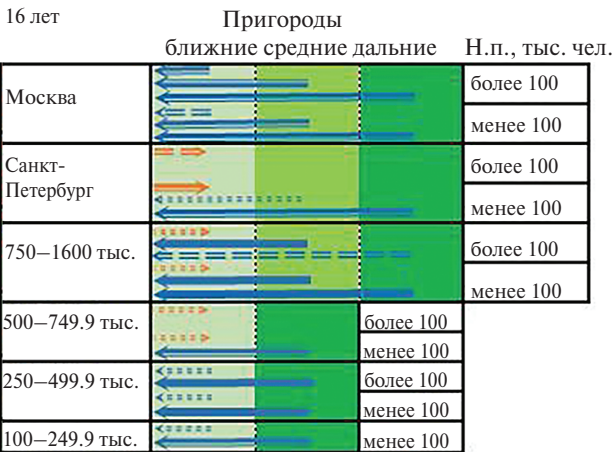
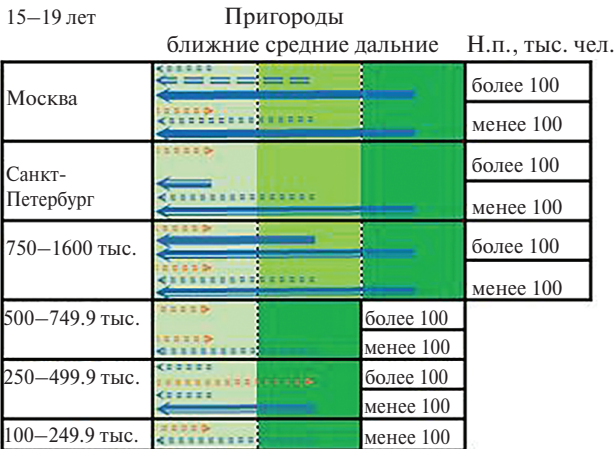
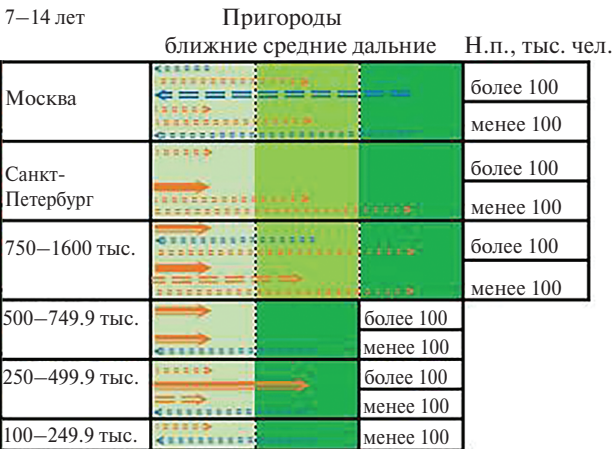
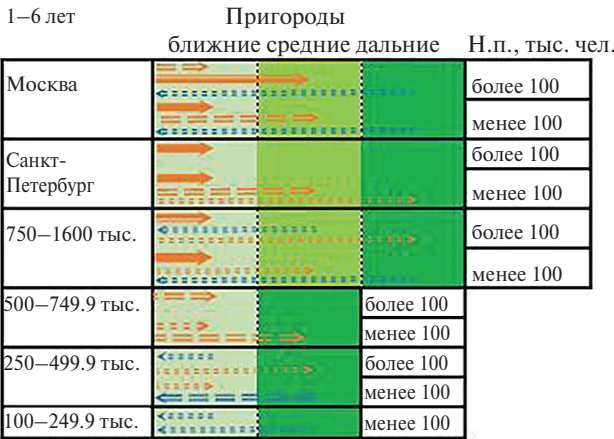
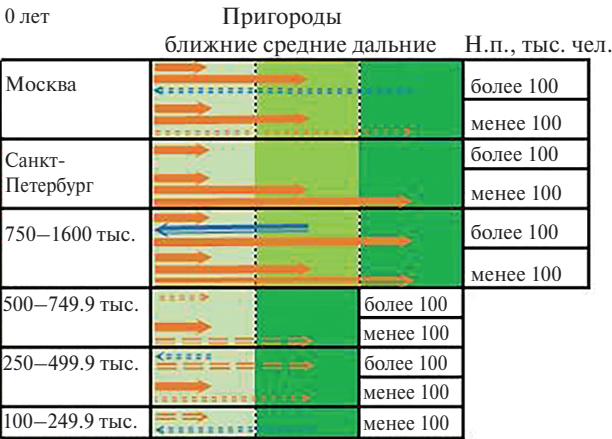
В более старших возрастах (40–49 лет), в *предпенсионном* и *“младшем” пенсионном возрастах (50–64 года)* поток из центров распространяется на средние и дальние пригороды, и он становится более однонаправленным. Это — отражение больших

возможностей и желаний людей в данных возрастах жить ближе к природе, не связывая себя ежедневными поездками в город на работу. Вплоть до самого преклонного возраста, 75 лет и старше, потоков в сторону центров из пригородов практически нет, за исключением Москвы.

“Старые” пожилые скорее склонны переезжать из пригородов в центры, но проживание в ближних пригородах выглядит для них предпочтительным. Видимо, как и в других странах (Plane and Heins, 2003; Rogers and Watkins, 1987; van Diepen and Mulder, 2009) это связано с необходимостью проживания рядом со взрослыми детьми для помощи. Очень активно из пригородов молодые и старые пожилые переезжают в Москву. Возможно, это связано со столичными доплатами к пенсионным выплатам (до уровня прожиточного минимума в Москве и до уровня городского социального стандарта), а также доступом к иным социальным благам, распространяемым только на резидентов Москвы при условии суммарного проживания ими в столице не менее 10 лет.

Миграция между крупными городами — центрами и другими городами в пригородах

Мы отдельно анализируем переток населения между крупными городами — центрами и крупными городами в их пригородах, а также населенными пунктами меньшего размера в пригородах (см. рис. 2 и 3). Разделение исходило из предположения, что, с одной стороны, крупные города в пригородах представляют больше возможностей для работы и пользования услугами образования, здравоохранения, учреждениями культуры и досуга, чем малые населенные пункты. С другой стороны, субурбанизация, развитие традиционных субурбий, представленных малоэтажным жильем, если она наблюдается в пригородах, направлена, напротив, в малые населенные пункты. Выполненные расчеты показали, что значимых отличий в направлениях перетока для пригородных населенных пунктов в зависимости от их размеров, не обнаруживается. Возможно, стоило выделить больше групп пригородных населенных пунктов по размеру. Малые населенные пункты в пригородах могут демонстрировать взрывной рост населения и интенсивный миграционный прирост, если на их территории осуществляется масштабное жилищное строительство. Такой прирост

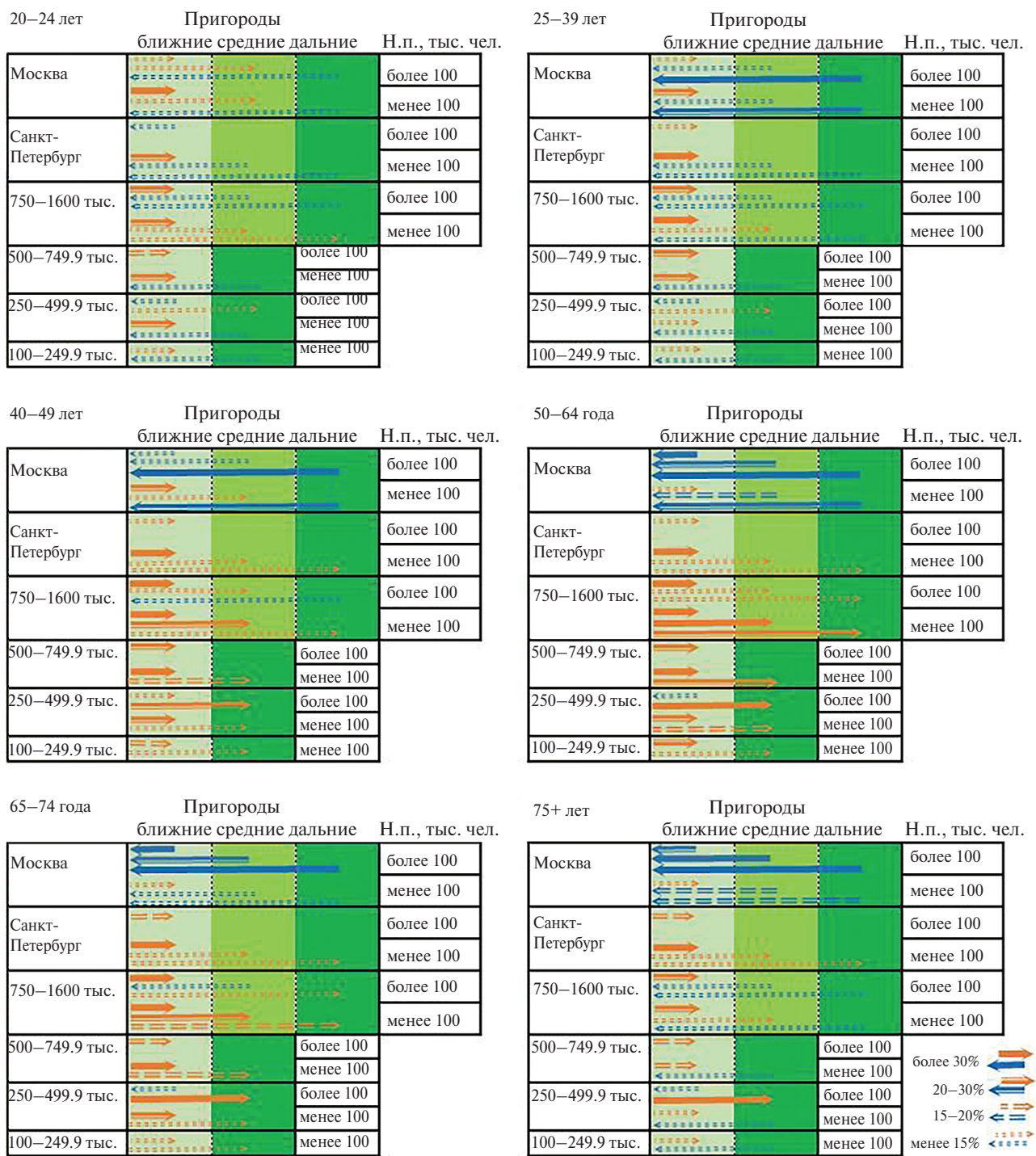

Рис. 3. Эффективность миграции между крупными городами и их пригородами по отдельным возрастным группам, 2011–2020 гг., %.

Примечание. Максимальное количество горизонтальных стрелок, связывающих города определенной людности с пригородами размером более/менее 100 тыс. чел., равно трем (с ближними, средними, дальними пригородами). Отсутствие стрелки означает отсутствие средних или дальних пригородов этого размера.

Составлено авторами.

возможен, если начальное население невелико. Например, в рассматриваемый период 2011–2020 гг. население “знаменитых” пригородов Санкт-Петербурга, а фактически его спальных районов – Мурино и Кудрово – увеличилось с 7.0 и 0.1 до 89.1 и 60.8 тыс. жителей соответственно. В крупных городах в пригородах такой рост невозможен, так как в них, как правило, также как в самих центрах, нет больших площадок под новое жилищное строительство. Не наблюдается и различий в предпочтениях к переезду в крупно- и мелкоселенные пригороды у лиц разных возрастов. Получается, что данные гипотезы не нашли подтверждения. В пригородах значение имеет не размер населенного пункта, а его близость или удаленность от города, вокруг которого они формируются.

ДИСКУССИЯ И ВЫВОДЫ

Концепция городского развития и развития агломераций (Champion, 2001; Geyer and Kontuly, 1993; Klaassen and Scimeni, 1981) создавались для ситуации если не демографического роста, то стабильности общей демографической динамики, что не соответствует текущей демографической ситуации во многих европейских странах и в России. В этом смысле говорить о соответствии выявленной миграционной динамики стадиям моделей сейчас еще более сложно. Некоторые зарубежные исследователи демонстрируют это, показывая противоречивость оценок и маятника между стадиями, происходящими всего за несколько лет в одной стране (Stawarz and Sander, 2020). Выполненные нами расчеты не оценивают динамику происходящих процессов хотя бы за пару межпереписных периодов, так как данных для таких расчетов нет. Поэтому говорить о долговременных изменениях в соотношении показателей между центрами и пригородами и искать сколько-нибудь точное соответствие стадиям моделей, не вполне корректно. Тем не менее, нам кажется важным подчеркнуть, что выполненные расчеты по миграции между крупными городами России и их пригородами указывают, что – без учета внутристрановых различий – Россия находится на субурбанизационной стадии модели (Klaassen and Scimeni, 1981).

Переток населения между центрами и пригородами в России осуществляется прежде всего в пользу ближних пригородов, непосредственно граничащих с территорией крупных городов – центров. Такое положение может быть связано с разрастанием городов, ког-

да городская застройка выходит за пределы административных границ города [часто называется в России спрол (urban sprawl⁵) (Дохов, Синицын, 2020)]; с предпочтением проживания в непосредственной близости от города для экономии издержек, связанных с регулярными поездками; с финансовыми трудностями решения жилищных проблем в центрах. Иными словами, миграционная привлекательность таких пригородов, переезд в них определяется не предпочтениям проживания в классической субурбии, а как экономически доступная альтернатива проживанию в крупном городе. Средние, и, в еще большей мере, дальние пригороды такими выгодами для проживания не обладают, хотя и могут предоставлять еще более дешевую альтернативу приобретения (аренды) жилья.

Привлекательность ближних пригородов универсальна для населения городов разных размеров, она свойственна и городам-миллионникам, и городам людностью немногим выше 100 тыс. чел. В данной работе мы изначально предположили (и исходя из этого произвели расчеты), что границы разных видов пригородов зависят от размеров центра. С одной стороны, мы действовали объективно, сообразуясь с наблюдаемыми нами и иными исследователями закономерностями. С другой стороны, издержки поездок из дальних пригородов городов людностью 100–250 тыс. чел. не соответствуют издержкам, затрачиваемым на поездку из дальних пригородов Москвы или Санкт-Петербурга в центры городов в силу значительно большей удаленности последних. Это может делать сравнения дальних и ближних пригородов менее корректными. Аналогично можно предполагать, что границы пригородов Москвы и Санкт-Петербурга в силу их разной людности, также не могут выделяться как равные. Однако общее правило – существенно бо́льшая привлекательность ближних пригородов в сравнении с иными – действует и с учетом этих ограничений.

В то же время мы наблюдаем большую притягательность для переезда дальних пригородов для семей с новорожденными детьми и лиц предпенсионных и пенсионных возрастов. Эти группы населения, с одной стороны, менее других могут быть зависимы

⁵ В зарубежных исследованиях под urban sprawl понимают более точно определенный процесс, который связан со снижением плотности населения и занятости от центра города к периферии, сопровождается децентрализацией ядра и изменением землепользования на периферии (Galster et al., 2001; Lopez and Hynes, 2003; Schmidt et al., 2015).

от регулярных трудовых или иных поездок в крупные города (в случае семей с детьми один из членов домохозяйства может находиться в отпуске по уходу за ребенком). Кроме того, для этих категорий населения может быть более востребованным проживание в экологически чистой среде, которую могут предоставить прежде всего достаточно удаленные от крупных городов территории. Еще одна возможная причина — финансовые соображения и дополнительные выгоды, получаемые от проживания в дальних пригородах. Эти вопросы нуждаются в дальнейшем изучении, в данной статье мы лишь обозначаем их.

Как и в случае миграции между центрами и периферией или крупными городами и небольшими населенными пунктами, сильно удаленными от них, самой нацеленной в сторону крупных городов группой населения является молодежь в возрасте окончания школы и поступления в вузы (15–19 лет). В России, в отличие от многих стран, поступление в вузы осуществляется сразу же по окончании средней школы (18 лет), редко процесс образовательного выбора растягивается на несколько лет, социально-демографическое поведение отличается высокой стандартизацией (Митрофанова, Артамонова, 2018). Поэтому в этом возрасте около 80% причин миграции связаны с получением образования. Уже в следующей возрастной группе — 20–24 лет — учебные причины не являются столь однозначно доминирующими. Одновременно появляются некоторые вариации миграционного поведения. Потоки в данном возрасте также направлены в сторону центра, при этом возможно и проживание в ближних пригородах. Оно может предполагать ежедневные поездки для работы или менее регулярные поездки в город для окончания обучения, что делает важным, но не обязательным жизнь в городе, но подразумевает близость к нему.

Мы констатируем, что применительно к России при анализе миграции на разных стадиях жизненного пути в миграционном перетоке между крупными городами и их пригородами нет однозначной направленности. В этом смысле российский кейс характеризуют те же закономерности, которые наблюдаются и в других странах — пригороды привлекают семьи с маленькими детьми, дети — выпускники школ однозначно выбирают центры, взрослые люди, отпустившие детей в центры, демонстрируют разные варианты миграционного поведения,

молодые пожилые достаточно охотно переселяются в пригороды, причем не обязательно ближние, старые пожилые возвращаются обратно или к своим взрослым детям. Несмотря на более поздний старт субурбанизации и формирования среднего класса, определенную латентность миграции между крупными городами и их пригородами, она идет в соответствии с логикой, наблюдаемой в других странах.

Наши выводы, безусловно, имеют ряд ограничений, связанных с выбранной методикой: мы, по сути, определяем пригороды как однородные, различающиеся только расстоянием от центра. В реальности они неоднородны и различаются не только удаленностью, но и плотностью, типом жилья, структурой населения и пр. Внутри ближних пригородов могут быть растущие и получающие нетто-прирост, но могут быть и противоположные. Аналогично и с дальними пригородами. Применение единого критерия расстояния для Москвы и Санкт-Петербурга и в целом унифицированной системы критериев в зависимости от людности городов также может вызывать вопросы.

В целом, поскольку “демографические изменения лежат в основе большей части логики [жилищной]⁶ мобильности” (Clark and Huang, 2003, p. 335), само по себе сведение всех вариаций происходящего в жизни разных людей к некоей схеме представляется ныне (после сотен выполненных работ) зарубежным исследователям несколько наивным (Stockdale and Catney, 2014). Однако в России исследования, показавших событийно-биографическую логику миграции с проекцией на пространство, единичны, нынешнее исследование приоткрывает двери в эту тему.

ФИНАНСИРОВАНИЕ

Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2022-325).

FUNDING

The article was prepared in the framework of a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant ID: 075-15-2022-325).

⁶ В странах Западной и Северной Европы под жилищной мобильностью понимают фактически все виды мобильности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреев Е.М., Чурилова Е.В. Результаты Всероссийской переписи населения 2021 года в свете статистики текущего учета населения и переписей предыдущих лет // Демографическое обозрение. 2023. № 10 (3). С. 4–20.
<https://doi.org/10.17323/demreview.v10i3.17967>
- Антонов Е.В., Махрова А.Г. Крупнейшие городские агломерации и формы расселения на агломерационном уровне в России // Изв. РАН. Сер. геогр. 2019. № 4. С. 31–45.
<https://doi.org/10.31857/S2587-55662019431-45>
- Артамонова А.В., Митрофанова Е.С. Матримониальное поведение россиян на фоне других европейцев // Демографическое обозрение. 2018. № 5 (1). С. 106–137.
<https://doi.org/10.17323/demreview.v5i1.7711>
- Габдрахманов Н.К., Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В., Лешуков О.В. Образовательная миграция молодежи и оптимизация сети вузов в разных по размеру городах // Вопросы образования. 2022. № 2. С. 88–116.
<https://doi.org/10.17323/1814-9545-2022-2-88-116>
- Грицай О., Иоффе Г., Трейвиш А. Центр и периферия в региональном развитии. М.: Наука, 1991. 168 с.
- Денисов Е.А. Миграционные процессы в городах российского Севера в 1990–2010-е гг. // Региональные исследования. 2017. № 2. С. 44–55.
- Дохов Р.А., Сеницын Н.А. Спрол в России: рост и структурная трансформация пригородов Белгорода // Изв. РАН. Сер. геогр. 2020. № 2. С. 191–206.
<https://doi.org/10.31857/S2587556620020053>
- Зайончковская Ж.А. Демографическая ситуация и расселение. М.: Наука, 1991. 130 с.
- Карачурина Л.Б. Урбанизация или субурбанизация определяет миграцию населения в Московской области? // Вестн. Санкт-Петербург. ун-та. Науки о Земле. 2022. № 67 (2). С. 360–381.
<https://doi.org/10.21638/spbu07.2022.208>
- Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В., Петросян А.Н. Пространственные особенности миграционного прироста пригородов региональных столиц России // Вестн. Моск. ун-та. Серия 5. География. 2021. № 6. С. 123–134.
- Кюммель Т. Стадиальная концепция урбанизации: методология и методы анализа // Методы изучения расселения. М.: ИГ АН СССР, 1987. С. 82–100.
- Махрова А.Г. Особенности стадиального развития Московской агломерации // Вестн. Моск. ун-та. Серия 5. География. 2014. № 4. С. 10–16.
- Махрова А.Г., Бабкин Р.А. Анализ пульсаций системы расселения Московской агломерации с использованием данных сотовых операторов // Региональные исследования. 2018. № 2. С. 68–78.
- Махрова А.Г., Кириллов П.Л. Сезонная пульсация расселения в Московской агломерации под влиянием дачной и трудовой маятниковой миграции: подходы к изучению и оценка // Региональные исследования. 2015. № 1. С. 117–125.
- Махрова А.Г., Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Московская область сегодня и завтра: Тенденции и перспективы пространственного развития. М.: Новый хронограф, 2008. 344 с.
- Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Теория “дифференциальной урбанизации” и иерархия городов в России на рубеже XXI века // Проблемы урбанизации на рубеже веков / отв. ред. А.Г. Махрова. Смоленск: Ойкумена, 2002. С. 71–86.
- Чугунова Н.В. Трансформации в системах расселения Белгородской области: новые тренды в современных геоэкономических условиях // Многовекторность в развитии регионов России: ресурсы, стратегии и новые тренды. Иркутск, 6–12 июня 2016 г. / отв. ред. В.Н. Стрелецкий. Иркутск, 2017. С. 215–227.
- Berg L., van den Drewett R., Klaassen L., Rossi A., Vijverberg C.H.T. A Study of Growth and Decline. Pergamon press, 1982. 184 p.
- Berry B. The counterurbanization process: how general? In: Human Settlement Systems: International Perspectives on Structure, Change and Public Policy / N. Hansen (Ed.). Ballinger: Cambridge, 1978. P. 25–49.
- Booi H., Boterman W.R., Musterd S. Staying in the city or moving to the suburbs? Unravelling the moving behaviour of young families in the four big cities in the Netherlands // Population, Space and Place. 2021. Vol. 27. № 3. Art. e2398.
<https://doi.org/10.1002/psp.2398>
- Brown D.L., Schafft K.A. Population deconcentration in Hungary during the post-socialist transformation // J. of Rural Studies. 2002. Vol. 18. № 3. P. 233–244.
[https://doi.org/10.1016/S0743-0167\(01\)00046-8](https://doi.org/10.1016/S0743-0167(01)00046-8)
- Bures R. Migration and the life course: is there a retirement transition? // Int. J. of Population Geography. 1997. Vol. 3. № 2. P. 109–119.
[https://doi.org/10.1002/\(SICI\)1099-1220\(199706\)3:2<109::AID-IJPG65>3.0.CO;2-I](https://doi.org/10.1002/(SICI)1099-1220(199706)3:2<109::AID-IJPG65>3.0.CO;2-I)
- Bures R. Moving the nest: The impact of coresidential children on mobility in later midlife // J. of Family Issues. 2009. Vol. 30. № 6. P. 837–851.
<https://doi.org/10.1177/0192513X09332349>
- Champion T. Urbanization, Suburbanization, Counterurbanization and Reurbanization. In: Handbook of Urban Studies / R. Paddison (Ed.). London: Sage, 2001. P. 143–161.
- Chen S., Jin Z., Prettnner K. Can I live with you after I retire? Retirement, old age support and internal migration in a developing country // Canadian J. of Economic. 2023. Vol. 56. № 3. P. 964–988.
<https://doi.org/10.1111/caje.12666>

- Clark W.A.V., Huang Y. The life course and residential mobility in British housing markets // *Environment and Planning A*. 2003. Vol. 35. P. 323–339.
<https://doi.org/10.1068/a3542>
- de Jong P. Later-Life Migration in The Netherlands: Propensity to Move and Residential Mobility // *J. of Aging and Environment*. 2020. Vol. 36. № 4. P. 1–10.
<https://doi.org/10.1080/26892618.2020.1858384>
- Fry R. The Rapid Growth and Changing Complexion of Suburban Public Schools. Washington DC: Pew Hispanic Center, 2009. 29 p.
- Galster G., Hanson R., Ratcliffe M.R., Wolman H., Coleman S., Freyhage J. Wrestling sprawl to the ground: Defining and measuring an elusive concept // *Housing Policy Debate*. 2001. Vol. 12. № 4. P. 681–717.
<https://doi.org/10.1080/10511482.2001.9521426>
- Geyer H., Kontuly T. A theoretical foundation for the concept of differential urbanization // *Int. Reg. Sci. Rev.* 1993. Vol. 15. № 2. P. 157–177.
<https://doi.org/10.1177/016001769301500202>
- Gibbs J. The evolution of population concentration // *Economic Geography*. 1963. Vol. 39. № 2. P. 119–129.
- Goyette K.A., Iceland J., Weininger E. Moving for the Kids: Examining the Influence of Children on White Residential Segregation // *City and Community*. 2014. Vol. 13. № 2. P. 158–178.
<https://doi.org/10.1111/cico.12058>
- Karachurina L., Mkrtchyan N. Age-specific Migration in Regional Centres and Peripheral Areas of Russia // *Comparative Population Studies*. 2020. Vol. 44. P. 413–446.
<https://doi.org/10.12765/CPoS-2020-12>
- Karachurina L., Mkrtchyan N. Internal migration and population concentration in Russia: age-specific patterns // *GeoJournal*. 2022. Vol. 87. № 6. P. 4741–4762.
<https://doi.org/10.1007/s10708-021-10525-z>
- Klaassen L., Scimeni G. Theoretical issues in urban dynamics. In: *Dynamics of Urban Development* / L. Klaassen, W. Molle, J. Paelinck (Eds.). NY: St. Martin's Press, 1981. P. 8–28.
- Kley S., Drobníč Š. Does moving for family nest-building inhibit mothers' labour force (re-)entry? // *Demographic Research*. 2019. Vol. 40. P. 155–184.
<https://doi.org/10.4054/DEMRES.2019.40.7>
- Kosteletzky T., Vobecká J. Housing Affordability in Czech Regions and Demographic Behaviour – Does Housing Affordability Impact Fertility? // *Czech Sociological Review*. 2009. Vol. 45. № 6. P. 1191–1213.
<https://doi.org/10.13060/00380288.2009.45.6.02>
- Krisjane Z., Berzins M. Post-socialist Urban Trends: New Patterns and Motivations for Migration in the Suburban Areas of Riga, Latvia // *Urban Studies*. 2012. Vol. 49. № 2. P. 289–306.
<https://doi.org/10.1177/0042098011402232>
- Li S., Gu H., Shen J. Detecting spatial heterogeneity in the determinants of intercity migration in China // *Population, Space and Place*. 2023. Vol. 29. № 3. Art. e2649.
<https://doi.org/10.1002/psp.2649>
- Litwak E., Longino C.F. Migration patterns among the elderly: a developmental perspective // *The Gerontologist*. 1987. Vol. 27. № 3. P. 266–272.
<https://doi.org/10.1093/geront/27.3.266>
- Lopez R., Hynes H.P. Sprawl in the 1990s: Measurement, distribution, and trends // *Urban Affairs Review*. 2003. Vol. 38. № 3. P. 325–355.
<https://doi.org/10.1177/1078087402238805>
- Lundholm E. Returning Home? Migration to birthplace among migrants after age 55 // *Population, Space and Place*. 2012. Vol. 18. № 1. P. 74–84.
<https://doi.org/10.1002/psp.645>
- Morrill R. Aging in place, age specific migration and natural decrease // *The Annals of Regional Sci.* 1995. Vol. 29. P. 41–66.
<https://doi.org/10.1007/BF01580362>
- Mulder C.H. Migration Dynamics: A Life Course Approach. Amsterdam: Thesis Publishers, 1993. 251 p.
- Mulder C.H. Family dynamics and housing: Conceptual issues and empirical findings // *Demographic Research*. 2013. Vol. 29. Art.14. P. 355–378.
<https://doi.org/10.4054/DemRes.2013.29.14>
- Mueser P.R., White M.J., Tierney J.P. Patterns of net migration by age for U.S. counties 1950–1980: the impact of increasing spatial differentiation by life cycle // *Canadian J. of Regional Sci.* 1988. Vol. 11. № 1. P. 57–75.
- Ouředníček M. Differential suburban development in the Prague urban region // *Geografiska Annaler: Series B, Human Geography*. 2007. Vol. 89. № 2. P. 111–126.
<https://doi.org/10.1111/j.1468-0467.2007.00243.x>
- Plane D.A., Heins F. Age articulation of U.S. inter-metropolitan migration // *The Annals of Regional Sci.* 2003. Vol. 37 (1). P. 107–130.
<https://doi.org/10.1007/s001680200114>
- Plane D.A., Henric C.J., Perry M.J. Migration up and down the urban hierarchy and across the life course // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America (PNAS)*. 2005. Vol. 102. № 43. P. 15313–15318.
<https://doi.org/10.1073/pnas.0507312102>
- Plane D.A., Jurjevich J.R. Ties that no longer bind? The patterns and repercussions of age-articulated migration // *The Professional Geographer*. 2009. Vol. 61. № 1. P. 4–20.
<https://doi.org/10.1080/00330120802577558>
- Raagmaa G. Centre-periphery model explaining the regional development of the informational and transitional society, 43rd Congress of the ERSA: “Peripheries, Centres, and Spatial Development in the New Europe”, 27th – 30th August 2003, Jyväskylä, Finland, Louvain-la-Neuve, 2003. 32 p.

- Rérat P. The New Demographic Growth of Cities: The Case of Reurbanisation in Switzerland // *Urban Stud.* 2012. Vol. 49. № 5. P. 1107–1125.
<https://doi.org/10.1177/0042098011408935>
- Rogers A., Watkins J. General versus elderly interstate migration and population redistribution in the United States // *Research on Aging.* 1987. Vol. 9 (4). P. 483–529.
<https://doi.org/10.1177/0164027587094002>
- Sage J., Evandrou M., Falkingham J. Onwards or homewards? Complex graduate migration pathways, well-being, and the ‘parental safety net’ // *Population, Space and Place.* 2013. Vol. 19. № 6. P. 738–755.
<https://doi.org/10.1002/psp.1793>
- Schmidt S., Fina S., Siedentop S. Post-socialist Sprawl: A Cross-Country Comparison // *European Planning Studies.* 2015. № 23 (7). P. 1357–1380.
<https://doi.org/10.1080/09654313.2014.933178>
- Stawarz N., Sander N. The Impact of Internal Migration on the Spatial Distribution of Population in Germany over the Period 1991–2017 // *Comparative Population Stud.* 2020. Vol. 44. P. 291–316.
<https://doi.org/10.12765/CPoS-2020-06>
- Stockdale A., Catney G. A lifecourse perspective on urban-rural migration // *Population, Space and Place.* 2014. Vol. 20. № 1. P. 83–98.
<https://doi.org/10.1002/psp.1758>
- Stockdale A., MacLeod M. Pre-retirement age migration to remote rural areas // *J. of Rural Stud.* 2013. Vol. 32. P. 80–92.
<https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2013.04.009>
- Tammaru T., Kulu H., Kask I. Urbanization, Suburbanization, and Counterurbanization in Estonia // *Eurasian Geography and Economics.* 2004. № 45 (3). P. 212–229.
<https://doi.org/10.2747/1538-7216.45.3.212>
- Thorkild A. Residential Choice from a Lifestyle Perspective // *Housing, Theory and Society.* 2006. Vol. 23. № 2. P. 109–130.
- van Diepen A., Mulder C. Distance to Family Members and Relocations of Older Adults // *J. of Housing and the Built Environ.* 2009. Vol. 24. № 1. P. 31–46.
<https://doi.org/10.1007/s10901-008-9130-0>
- Vobecka J. Spatial dynamics of the population in the Czech Republic, 1989–2007. Ph.D. Thesis, Charles University in Prague; Université de Bourgogne in Dijon, 2010. 222 p.
- White L. Coresidence and Leaving Home: Young Adults and Their Parents // *Annual Rev. of Sociology.* 2003. Vol. 20. № 1. P. 81–102.
<https://doi.org/10.1146/annurev.so.20.080194.000501>
- Yang S., Guo F. Breaking the barriers: How urban housing ownership has changed migrants’ settlement intentions in China // *Urban Stud.* 2018. Vol. 55 (16). P. 3689–3707.
<https://doi.org/10.1177/0042098018757873>

To the City or to the Suburbs: What Russians Choose at Different Stages of Life Course?

L. B. Karachurina^{a,*} and N. V. Mkrtchyan^a

^aHSE University, Moscow, Russia

*e-mail: lkarachurina@hse.ru

Migration between large cities and their suburbs is considered from the perspective of two conceptual approaches: models of urban development and urban agglomeration development; life course concept. Research objectives come down to, firstly, analyzing the migration flow of the population between large cities and suburbs, and secondly, to identifying its age-related characteristics and assessing the applicability of migration models described using life course concepts to Russian realities. Individual depersonalized data on internal long-term migration of the population in Russia for 2011–2020 was used, which makes it possible to detail the directions of migration and identify different age groups of migrants. 137 Russian cities with a population of over 100 thous. people were considered as large cities; the suburbs included territories formed around cities of a given size at a certain distance from them (20–100 km depending on the population of the city). An indicator of migration efficiency is analyzed, which makes it possible to evaluate not only the directions of flow, but also its effectiveness. The results obtained showed that every year large cities lose population in exchange with suburbs on average of about 50 thous. people. Almost all of these losses occur in the surrounding suburbs. Distant suburbs are losing population in migration exchanges with the centers. High efficiency of migration is recorded between the centers and their nearby suburbs. Without identifying individual age groups, of the 25 migration directions considered, 16 are directed towards the suburbs, and only 9 – towards large cities; these flows are also characterized by lower efficiency. The analysis of migration at different stages of the life course in the migration flow between large cities and their suburbs does not have a clear focus. The most active movers to the suburbs are families with children aged 0 and preschoolers, as well as people of older working and retirement age. In this sense, the Russian case is characterized by the same patterns that are observed in other countries. However, these rules do not work in Moscow and its suburbs, which raises a number of questions at this stage that require further research.

Keywords: migration, life course, suburbanization, urbanization, cities, suburbs, net migration

REFERENCES

- Andreev E., Churilova E. The results of the 2021 All-Russian Population Census in the light of civil registration statistics and censuses of previous years. *Demogr. Rev.*, 2023, vol. 10, no. 3, pp. 4–20. <https://doi.org/10.17323/demreview.v10i3.17967>
- Antonov E.V., Makhrova A.G. Largest urban agglomerations and forms of settlement pattern at the supra-agglomeration level in Russia. *Reg. Res. Russ.*, 2019, vol. 9, no. 4, pp. 370–382. <https://doi.org/10.1134/S2079970519040038>
- Artamonova A., Mitrofanova E. Matrimonial behavior of Russians in a European context. *Demogr. Obozr.*, 2018, vol. 5, no. 1, pp. 106–137. (In Russ.). <https://doi.org/10.17323/demreview.v5i1.7711>
- Berg L., van den Drewett R., Klaassen L., Rossi A., Vijverberg C.H.T. *A Study of Growth and Decline*. Pergamon press, 1982.
- Berry B. The counterurbanization process: how general? In *Human Settlement Systems: International Perspectives on Structure, Change and Public Policy*. Hansen N., Ed. Ballinger: CUP, 1978, pp. 25–49.
- Booi H., Boterman W.R., Musterd S. Staying in the city or moving to the suburbs? Unravelling the moving behaviour of young families in the four big cities in the Netherlands. *Popul. Space Place*, 2021, vol. 27, no. 3, art. e2398. <https://doi.org/10.1002/psp.2398>
- Brown D.L., Schafft K.A. Population deconcentration in Hungary during the post-socialist transformation. *J. Rural Stud.*, 2002, vol. 18, no. 3, pp. 233–244. [https://doi.org/10.1016/S0743-0167\(01\)00046-8](https://doi.org/10.1016/S0743-0167(01)00046-8)
- Bures R. Migration and the life course: is there a retirement transition? *Int. J. Popul. Geogr.*, 1997, vol. 3, no. 2, pp. 109–119. [https://doi.org/10.1002/\(SICI\)1099-1220\(199706\)3:2<109::AID-IJPG65>3.0.CO;2-I](https://doi.org/10.1002/(SICI)1099-1220(199706)3:2<109::AID-IJPG65>3.0.CO;2-I)
- Bures R. Moving the nest: The impact of coresidential children on mobility in later midlife. *J. Fam. Issues*, 2009, vol. 30, no. 6, pp. 837–851. <https://doi.org/10.1177/0192513X09332349>
- Champion T. Urbanization, suburbanization, counterurbanization and reurbanization. In *Handbook of Urban Studies*. Paddison R., Ed. London: Sage, 2001, pp. 143–161.
- Chen S., Jin Z., Prettnner K. Can I live with you after I retire? Retirement, old age support and internal migration in a developing country. *Can. J. Econ.*, 2023, vol. 56, no. 3, pp. 964–988. <https://doi.org/10.1111/caje.12666>
- Chugunova N.V. Transformations in the settlement systems of the Belgorod region: new trends in modern geo-economic conditions. In *Mnogovektornost' v razvitii regionov Rossii: resursy, strategii i novye trendy* [Multi-Vector in the Development of Russian Regions: Resources, Strategies and New Trends]. Streletsky V.N., Ed. Irkutsk, 2016, pp. 217–227. (In Russ.).
- Clark W.A.V., Huang Y. The life course and residential mobility in British housing markets. *Environ. Plan. A*, 2003, no. 35, pp. 323–339. <https://doi.org/10.1068/a3542>
- de Jong P. Later-life migration in the Netherlands: Propensity to move and residential mobility. *J. Aging Environ.*, 2020, vol. 36, no. 4, pp. 1–10. <https://doi.org/10.1080/26892618.2020.1858384>
- Denisov E.A. Migration processes in the cities of the Russian north in the 1990–2000s. *Reg. Issled.*, 2017, no. 2, pp. 44–55. (In Russ.).
- Dokhov R.A., Sinitsyn N.A. Sprawl in Russia: growth and structural transformation of the Belgorod suburbs. *Reg. Res. Russ.*, 2020, no. 2, pp. 247–259. <https://doi.org/10.1134/S2079970520020057>
- Fry R. *The Rapid Growth and Changing Complexion of Suburban Public Schools*. Washington: Pew Hispanic Center, 2009. 29 p.
- Gabdrakhmanov N.K., Karachurina L.B., Mkrtchyan N.V., Leshukov O.V. Educational migration of young people and optimization of the network of universities in cities of different Sizes. *Vopr. Obrazov.*, 2022, no. 2, pp. 88–116. (In Russ.). <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2022-2-88-116>
- Galster G., Hanson R., Ratcliffe M.R., Wolman H., Coleman S., Freihage J. Wrestling sprawl to the ground: Defining and measuring an elusive concept. *Hous. Policy Debate*, 2001, vol. 12, no. 4, pp. 681–717. <https://doi.org/10.1080/10511482.2001.9521426>
- Geyer H., Kontuly T. A theoretical foundation for the concept of differential urbanization. *Int. Reg. Sci. Rev.*, 1993, vol. 15, no. 2, pp. 157–177. <https://doi.org/10.1177/016001769301500202>
- Gibbs J. The evolution of population concentration. *Econ. Geogr.*, 1963, vol. 39, no. 2, pp. 119–129.
- Goyette K. A., Iceland J., Weininger E. Moving for the kids: Examining the influence of children on white residential segregation. *City Community*, 2014, vol. 13, no. 2, pp. 158–178. <https://doi.org/10.1111/cico.12058>
- Gritsai O.V., Ioffe G.V., Treivish A.I. *Tsentr i periferiya v regional'nom razvitii* [Centre and Periphery in Regional Development]. Moscow: Nauka Publ., 1991. 168 p.
- Karachurina L.B. Urbanization and suburbanization: Which one determines population migration in Moscow oblast? *Vestn. S.-Peterb. Univ. Nauki Zemle*, 2022, no. 2, pp. 360–381. (In Russ.). <https://doi.org/10.21638/spbu07.2022.208>
- Karachurina L., Mkrtchyan N. Age-specific migration in regional centres and peripheral areas of Russia. *Comp. Popul. Stud.*, 2020, no. 44, pp. 413–446. <https://doi.org/10.12765/CPoS-2020-12>
- Karachurina L., Mkrtchyan N. Internal migration and population concentration in Russia: age-specific patterns. *GeoJournal*, 2022, vol. 87, no. 6, pp. 4741–4762.

- <https://doi.org/10.1007/s10708-021-10525-z>
- Karachurina L.B., Mkrtchyan N.V., Petrosyan A.N. Spatial patterns of net migration in the suburbs of Russian regional centers. *Vestn. Mosk. Univ., Ser. 5: Geogr.*, 2021, no. 6, pp. 123–134. (In Russ.).
- Klaassen L., Scimeni G. Theoretical issues in urban dynamics. In *Dynamics of Urban Development*. Klaassen L., Molle W., Paelinck J., Eds. New York: St. Martin's Press, 1981, pp. 8–28.
- Kley S., Drobnič S. Does moving for family nest-building inhibit mothers' labour force (re-)entry? *Demogr. Res.*, 2019, no. 40, pp. 155–184.
<https://doi.org/10.4054/DEMRES.2019.40.7>
- Kosteletzky T., Vobecká J. Housing affordability in Czech regions and demographic behaviour – does housing affordability impact fertility? *Czech Sociol. Rev.*, 2009, vol. 45, no. 6, pp. 1191–1213.
<https://doi.org/10.13060/00380288.2009.45.6.02>
- Krisjane Z., Berzins M. Post-socialist urban trends: New patterns and motivations for migration in the suburban areas of Riga, Latvia. *Urban Stud.*, 2012, vol. 49, no. 2, pp. 289–306.
<https://doi.org/10.1177/0042098011402232>
- Kümmel T. Staged concept of urbanization: methodology and methods of analysis. In *Metody izucheniya rasseleniya* [Methods for Studying Settlement]. Moscow: IG AN SSSR, 1987, pp. 82–100. (In Russ.).
- Li S., Gu H., Shen J. Detecting spatial heterogeneity in the determinants of intercity migration in China. *Popul. Space Place*, 2023, vol. 29, no. 3, art. e2649.
<https://doi.org/10.1002/psp.2649>
- Litwak E., Longino C.F. Migration patterns among the elderly: a developmental perspective. *Gerontol.*, 1987, vol. 27, no. 3, pp. 266–272.
<https://doi.org/10.1093/geront/27.3.266>
- Lopez R., Hynes H.P. Sprawl in the 1990s: Measurement, distribution, and trends. *Urban Aff. Rev.*, 2003, vol. 38, no. 3, pp. 325–355.
<https://doi.org/10.1177/1078087402238805>
- Lundholm E. Returning Home? Migration to birthplace among migrants after age 55. *Popul. Space Place*, 2012, vol. 18, no. 1, pp. 74–84.
<https://doi.org/10.1002/psp.645>
- Makhrova A.G. Specific features of stadial development of the Moscow agglomeration. *Vestn. Mosk. Univ., Ser. 5: Geogr.*, 2014, no. 4, pp. 10–16. (In Russ.).
- Makhrova A.G., Babkin R.A. Analysis of Moscow agglomeration settlement system pulsations based on mobile operators' data. *Reg. Issled.*, 2018, no. 2, pp. 68–78. (In Russ.).
- Makhrova A.G., Kirillov P.L. Seasonal Fluctuations in population distribution within Moscow metropolitan area under travelling to second homes and labor commuting: Approaches and estimations. *Reg. Issled.*, 2015, no. 1, pp. 117–125. (In Russ.).
- Makhrova A.G., Nefedova T.G., Treivish A.I. *Moskovskaya oblast' segodnya i zavtra: Tendentsii i perspektivy prostranstvennogo razvitiya* [Moscow Region Today and Tomorrow: Trends and Perspectives of Spatial Development]. Moscow: Novyi Khronograf Publ., 2008. 344 p.
- Morrill R. Aging in place, age specific migration and natural decrease. *Ann. Reg. Sci.*, 1995, no. 29, pp. 41–66.
<https://doi.org/10.1007/BF01580362>
- Mulder C.H. *Migration Dynamics: A Life Course Approach*. Amsterdam: Thesis Publishers, 1993.
- Mulder C.H. Family dynamics and housing: Conceptual issues and empirical findings. *Demogr. Res.*, 2013, no. 29, art. 14, pp. 355–378.
<https://doi.org/10.4054/DemRes.2013.29.14>
- Mueser P.R., White M.J., Tierney J.P. Patterns of net migration by age for U.S. counties 1950–1980: The impact of increasing spatial differentiation by life cycle. *Can. J. Reg. Sci.*, 1988, vol. 11, no. 1, pp. 57–75.
- Nefedova T.G., Treivish A.I. The theory of “differential urbanization” and hierarchy of cities in Russia. In *Problemy urbanizatsii na rubezhe vekov* [Problems of Urbanization at the Turn of the Century]. Makhrova A.G., Ed. Smolensk: Oikumena Publ., 2002, pp. 71–87. (In Russ.).
- Ouředníček M. Differential suburban development in the Prague urban region. *Geogr. Ann. B: Hum. Geogr.*, 2007, vol. 89, no. 2, pp. 111–126.
<https://doi.org/10.1111/j.1468-0467.2007.00243.x>
- Plane D.A., Heins F. Age articulation of U.S. inter-metropolitan migration. *Ann. Reg. Sci.*, 2003, vol. 37, no. 1, pp. 107–130.
<https://doi.org/10.1007/s001680200114>
- Plane D.A., Henric C.J., Perry M.J. Migration up and down the urban hierarchy and across the life course. *Proc. Natl. Acad. Sci. U.S.A.*, 2005, vol. 102, no. 43, pp. 15313–15318.
<https://doi.org/10.1073/pnas.0507312102>
- Plane D.A., Jurjevich J.R. Ties that no longer bind? The patterns and repercussions of age-articulated migration. *Prof. Geogr.*, 2009, vol. 61, no. 1, pp. 4–20.
<https://doi.org/10.1080/00330120802577558>
- Raagmaa G. *Centre-periphery model explaining the regional development of the informational and transitional society*. 43rd Congress of the ERS: “Peripheries, Centres, and Spatial Development in the New Europe”, 27th–30th August 2003, Jyväskylä, Finland. Louvain-la-Neuve, 2003.
- Rérat P. The new demographic growth of cities: The case of reurbanisation in Switzerland. *Urban Stud.*, 2012, vol. 49, no. 5, pp. 1107–1125.
<https://doi.org/10.1177/0042098011408935>
- Rogers A., Watkins J. General versus elderly interstate migration and population redistribution in the United States. *Res. Aging*, 1987, vol. 9, no. 4, pp. 483–529.
<https://doi.org/10.1177/0164027587094002>

- Sage J., Evandrou M., Falkingham J. Onwards or home-wards? Complex graduate migration pathways, well-being, and the 'parental safety net'. *Popul. Space Place*, 2013, vol. 19, no. 6, pp. 738–755.
<https://doi.org/10.1002/psp.1793>
- Schmidt S., Fina S., Siedentop S. Post-socialist sprawl: A cross-country comparison. *Eur. Plan. Stud.*, 2015, vol. 23, no. 7, pp. 1357–1380.
<https://doi.org/10.1080/09654313.2014.933178>
- Stawarz N., Sander N. The impact of internal migration on the spatial distribution of population in Germany over the period 1991–2017. *Comp. Popul. Stud.*, 2020, no. 44, pp. 291–316.
<https://doi.org/10.12765/CPoS-2020-06>
- Stockdale A., Catney G. A lifecourse perspective on urban-rural migration. *Popul. Space Place*, 2014, vol. 20, no. 1, pp. 83–98.
<https://doi.org/10.1002/psp.1758>
- Stockdale A., MacLeod M. Pre-retirement age migration to remote rural areas. *J. Rural Stud.*, 2013, no. 32, pp. 80–92.
<https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2013.04.009>
- Tammaru T., Kulu H., Kask I. Urbanization, suburbanization, and counterurbanization in Estonia. *Eurasian Geogr. Econ.*, 2004, vol. 45, no. 3, pp. 212–229.
<https://doi.org/10.2747/1538-7216.45.3.212>
- Thorkild A. Residential choice from a lifestyle perspective. *Hous. Theory Soc.*, 2006, vol. 23, no. 2, pp. 109–130.
- van Diepen A., Mulder C. Distance to family members and relocations of older adults. *J. Hous. Built Environ.*, 2009, vol. 24, no. 1, pp. 31–46.
<https://doi.org/10.1007/s10901-008-9130-0>
- Vobecká J. Spatial dynamics of the population in the Czech Republic, 1989–2007. *PhD. Thesis*. Charles University in Prague, Université de Bourgogne in Dijon, 2010.
- White L. Coresidence and leaving home: Young adults and their parents. *Ann. Rev. Sociol.*, 2003, vol. 20, no. 1, pp. 81–102.
<https://doi.org/10.1146/annurev.so.20.080194.000501>
- Yang S., Guo F. Breaking the barriers: How urban housing ownership has changed migrants' settlement intentions in China. *Urban Stud.*, 2018, vol. 55, no. 16, pp. 3689–3707.
<https://doi.org/10.1177/0042098018757873>
- Zaionchkovskaya Zh.A. *Demograficheskaya situatsiya i rasselenie* [Demographic Situation and Settlement]. Moscow: Nauka Publ, 1991. 130 p.